

ВОСПИТАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: НЕКОТОРЫЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ И НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Основные понятия

С научной и практической точек зрения существенное значение для постановки и решения вопроса, вынесенного в заголовок данной статьи, имеет интерпретация основных используемых понятий.

Необходимо, в частности, различать политику в области образования и образовательную политику. Первое понятие характеризует комплекс мер, реализуемых либо программируемых субъектами политического действия в отношении образования как социального института; второе, помимо этого, - образовательные аспекты и образовательное воздействие всех других направлений, по меньшей мере, внутренней политики государства: экономической (включая налоговую и финансовую), социальной (в т.ч. национальной), в узком смысле культурной (включая информационную), а также образовательные аспекты политики внешней.

Соответственно, идеология в данном случае интерпретируется не как заведомо ложное, перевернутое сознание (в духе раннего К. Маркса или раннего Д. Бэлла), но как доктринально оформленная система ценностей общества, государства или определенной социальной группы.

Под нормативно-правовыми аспектами воспитания в контексте образовательной политики предлагается понимать отражение соответствующих проблем в нормативных правовых актах федеральных органов власти. Анализ иных актов потребовал бы объемных специальных исследований.

Наконец, национальная идея – это понятие, обозначающее идеологически оформленную систему представлений определенного этноса (народа) о самом себе и своем предназначении в мире, о своем прошлом, настоящем и будущем.

Российская социальная среда как деструктивный воспитательный фактор

Совершенно очевидно, что успешное воспитание граждан страны возможно лишь в том случае, если это воспитание не будет ограничиваться сравнительно узкими рамками политики в области образования, но выйдет в более широкую область образовательной политики в целом. На протяжении многих столетий философы и педагоги главным фактором формирования личности справедливо признавали среду. Соответственно, по мнению мыслителей разных эпох и направлений, – от социалистов XVI века и Руссо до академика РАО М.П. Щетинина, - при враждебной среде высокая результативность воспитания возможна лишь в учебных заведениях закрытого

типа, где дети до определенного возраста защищены от ее развращающего влияния.

Совершенно очевидно, что контекст современной российской образовательной политики для воспитания в целом неблагоприятен:

- чрезмерно высокий уровень социального неравенства, когда децильный коэффициент, по разным оценкам, составляет от 14 до несколько десятков раз, причем неравенства, как правило, мало связанного с личными усилиями и способностями, неблагоприятен для формирования трудовой морали как по версии отечественной («православной») культурной традиции (труд как средство самореализации и (или) служения людям), так и по версии протестантской этики (труд как условие и средство честного стяжательства, развития «цивилизованного» бизнеса);

- широкое распространение бедности и малообеспеченности неблагоприятно для развития личности как в смысле доступа к информации (книги, Интернет, путешествия), так и в смысле фрустрации, комплексов неполноценности и т.п. Еще Аристотель вполне обоснованно полагал лучшими гражданами представителей «среднего класса», но не бедных и не супербогатых. Между тем, хотя в России, по официальным данным, к бедным отнесены 24 % семей, представители Правительства признают на парламентских слушаниях, что в «адресной» социальной помощи нуждается около половины населения, средние же слои составляют 20-25 %;

- по-прежнему неблагоприятна для воспитания информационная среда, в особенности формируемая электронными СМИ. Хотя в последние годы частота и варварство сцен насилия и деэротизированного секса на телеэкранах существенно снизились, даже Президент страны признает, что в России в открытом эфире показывают то, что на Западе – только по специальным каналам. С другой стороны, целая серия программ («Последний герой», «Слабое звено» и т.п.) усиливает социальную атомизацию общества, презрение к слабым и проигравшим в конкурентной борьбе.

Вряд ли верно стандартное представление, будто в начале 90-х гг. государство ушло из сферы воспитания, а в настоящее время в нее возвращается. В действительности, новая политическая элита вполне целенаправленно решала задачу «переидеологизации» массового сознания наиболее простым и эффективным способом – при помощи электронных СМИ, причем как государственных, так и подконтрольных большому бизнесу. В этом смысле «возвращение» государства в сферу воспитания означает лишь стремление установить полный контроль над теми каналами, которые контролировались не вполне лояльными «олигархами».

Доказательством сказанному может служить следующее. В тех случаях, когда федеральное правительство пыталось напрямую вмешиваться в процессы воспитания, направление этого вмешательства было вполне определенным. Так, Министерство общего и профессионального образования РФ в 1996 г. попыталось «запустить» Программу полового воспитания российских школьников, целью которой было "поощрение практики безопасного секса путем повышения знаний обучаемых групп в области

сексуального здоровья и последствий высокорискованной сексуальной практики..." и которую сторонники традиционных ценностей, большая часть родителей и религиозных конфессий восприняли, скорее, как программу совращения малолетних, поскольку «безопасному сексу» детей обучали с 6-го класса и даже в начальной школе. Под давлением общественности, включая Комитет по образованию и науке Госдумы второго созыва, Программа была радикально пересмотрена Российской академией образования в направлении обеспечения нравственной гигиены.

«Национальная идея» и основные мировоззренческие ориентации в современной России

Непосредственное влияние на образовательную политику вообще и на результативность воспитания как ее компонента, в частности, оказал кризис национальной идейной идентичности, связанный с революционной аномией и не вполне преодоленный до настоящего времени. Оставляя в стороне масштабы и формы проявления этого кризиса, отметим лишь один из его симптомов, едва ли не самый тревожный: согласно данным опроса 25 тысяч учащихся ПТУ, проведенного группой исследователей под руководством экс-министра образования Е.В. Ткаченко, причем «от Москвы до самых до окраин», почти 35 % опрошенных юных граждан России хотели бы родиться и жить в какой-нибудь другой стране и еще почти 22 % затруднились с ответом на этот вопрос*.

В конце 90-х годов кризис национальной идейной идентичности был осознан частью политической элиты, которая инициировала поиск «национальной идеи». После смены Президента на рубеже веков официальная «поисковая» кампания была прекращена, хотя острота проблемы, безусловно, сохранилась. Учитывая, что атрибутом любой социально-политической революции является экстраординарная мифологизация массового сознания, выделим несколько типов мировоззренческих ориентаций и политических мифов, имеющих значительное число сторонников в современной России.

1. Либерально-западническая ориентация (точнее, либерально-американистская, поскольку в рамках западной цивилизации различия между американской и европейскими культурами, а равно и между самими европейскими культурами, весьма существенны). Достоинства этой ориентации состоят в том, что именно в рамках либерализма первоначально разработаны такие ценности, ставшие в настоящее время общецивилизационными, как политическая свобода, плюрализм, права человека и т.п. Однако в русле отечественного варианта той же идеологии был создан и активно распространялся контрпродуктивный миф об ущербности России и русского народа. И хотя в разные времена этот миф имел совершенно различный исторический смысл и был представлен идеологами с

---

* Смирнов И.П., Ткаченко Е.В. Современный учащийся НПО (Всероссийское социологическое исследование). М.: Изд. центр АПО, 2002.- С. 28.

совершенно различными гражданскими позициями (от П.Я. Чаадаева до Ю.Н. Афанасьева), тем не менее содержание мифа вряд ли позволяет породившей его либеральной идеологии претендовать на роль “национальной идеи”. Если к тому же принять во внимание, что попытка реализации либеральной экономической модели в российских условиях 90-х гг. привела страну к крупнейшей в мирное время социально-экономической катастрофе, подобные претензии становятся и вовсе проблематичными.

2. Консервативно-почвенническая («славянофильская») ориентация, которая нередко, но не всегда, бывает связана с православием, а иногда – с мифом об избранности русского народа, о “народе-богоносце”. К достоинствам этой идейной ориентации можно отнести стремление сохранить отечественную культурную традицию (тогда как либеральные западники вольно или невольно с ней порывают) и защитить государственные интересы России (без чего невозможно даже восстановление экономики). Слабыми сторонами данной ориентации выступают нередко проявляющиеся у ее сторонников претензии на исключительность, на монопольное право представлять государственную идеологию, в том числе в форме государственной религии, а иногда – антимодернизационные тенденции и национализм.

3. Мистически-восточная ориентация: различные варианты буддизма и дзэн-буддизма, эзотеризма, разного рода синкретические верования. Несмотря на то, что именно в контексте восточных культур (особенно индийской и тибетской) накоплен чрезвычайно богатый опыт психофизиологической саморегуляции, – опыт, элементы которого могли бы принести пользу современному человеку вне зависимости от его культурной принадлежности; несмотря на то, что эта ориентация является преобладающей у ряда народов России (калмыки, буряты, тувинцы) и имеет определенные предпосылки в отечественной культурной традиции (Е.П. Блаватская, Н.К. и Е.И. Рерихи); несмотря на то, что некоторыми сторонниками этой ориентации выдвинут миф о предназначении России быть Родиной нового или синтетического философски-религиозного мировоззрения; несмотря даже на то, что восточные верования в причудливом сочетании с другими весьма широко распространились в массовом сознании современной кризисной России, а буддизм стал модой среди значительной части творческой интеллигенции; – несмотря на все это, шансы данной идеологической ориентации стать основой российской “национальной идеи” на порядок ниже шансов предыдущих ориентаций, если просто не близки к нулю.

Почти невозможно представить себе, что большинство граждан России даже в условиях глубочайшего системного кризиса и аномии примут решение изменить веками складывавшуюся культурную идентичность. И уж совсем нереальной выглядит ситуация, когда бы такое решение было одобрено российской политической и идеологической элитой.

4. Социалистически-коммунистическая ориентация, в рамках которой “советским марксизмом” был разработан политический миф о

предназначении России стать провозвестницей новой общественной формации – моделью будущего для всего человечества.

На взгляд автора, претензию марксизма как главного выражения этой ориентации на создание строго научной теории общественного развития удалось реализовать лишь частично – в аспекте исторического и социологического познания (с учетом исторической ограниченности возможностей последнего в XIX в.). Что же касается глобального социально-политического прогноза, то под именем научного социализма последователи Маркса, подобно некоторым их предшественникам, пропагандировали великую продуктивную относительную утопию.

Доказательством относительной утопичности марксистской футурологии может служить сама социальная реальность, которая, во-первых, в советскую эпоху принципиально разошлась с теорией а, во-вторых, в эпоху постсоветскую вторично показала проблематичность реализации марксистского социального идеала в данных исторических условиях.

В пользу относительности и исторической продуктивности марксистской футурологической утопии говорят следующие обстоятельства:

– сокращение в “социалистический” период развития разрыва в цивилизационном плане между наиболее развитыми странами и государствами “реального социализма” по сравнению с предреволюционным периодом, как правило, более высокие темпы экономического развития в “социалистическую эпоху” по отношению к досоциалистической и постсоциалистической;

– серьезное позитивное влияние социалистического движения на наиболее передовые в индустриальном отношении страны с точки зрения развития в них экономического регулирования, социальных гарантий, ограничения социального неравенства, повышения общеобразовательного и общекультурного уровня населения и т.п.;

- все более распространяющееся, в том числе и в международных организациях, представление, согласно которому модель “потребительского общества” не реализуема для человечества в целом, существенное совпадение по многим параметрам футурологических прогнозов сторонников как постиндустриализма, так и концепции “альтернативной цивилизации” с дружно отвергнутыми марксистскими прогнозами.

Несмотря на приведенные автором и иные серьезные аргументы в пользу относительности и продуктивности социалистически-коммунистической утопии, несмотря на то, что число людей, голосующих за коммунистические организации, достигает 1/3 и более, а в целом ряде регионов коммунисты вместе с союзниками добились законодательной либо исполнительной власти, данная идеологическая ориентация в “чистом” виде вряд ли способна стать российской “национальной идеей”. Главная тому причина – ситуационные характеристики и закономерности революции и, в частности, - революционное отрицание, которое, несмотря на маятникообразные колебания общественных настроений, в конце концов не позволяет вернуться к прежней системе или идеологии как таковой. Не

случайно многие избиратели, настроенные значительно левее лидеров современной КПРФ, не голосуют за коммунистов из-за стойкого неприятия наименования партии.

Необходимо отметить, что названные выше основные идейные ориентации в большинстве случаев представлены не в чистом, но в синкретическом виде, причем как в сфере массовой психологии, так и политических идеологий. Так, вопреки распространенному мнению, абсолютное большинство граждан России не могут быть отнесены к православным в строгом смысле этого слова. Хотя, согласно некоторым опросам, таковыми признают себя свыше 50 % всего населения, более глубокие исследования показывают, что преобладающей религиозно-философской ориентацией населения является именно синкретизм, включающий в себя, наряду с элементами православия, причудливую смесь верований и суеверий (экстрасенсы, инопланетяне, астрология, реинкарнация, фрагменты энергоинформационных концепций и т.п.), со строго православной точки зрения представляющихся, скорее, ересью и подвергаемых критике официальными идеологами русской православной церкви.

Аналогичным образом формируются идеологии большинства политических движений. Так, известное замечание о том, что в современной лево-патриотической интерпретации исторический материализм стал национальным по форме и православным по содержанию, не лишено смысла, ибо в работах идеологов данного направления действительно наблюдается попытка синтеза немногочисленных сохранившихся положений «советского марксизма» с социал-демократической и национально-государственной идеологией. В свою очередь, политические течения, относящиеся себя к либералам («Союз правых сил» и правая часть «Яблока»), явно дрейфуют в направлении европейских «новых правых», все более и более сочетая неоконсервативные рецепты в экономике с отказом от некогда широко прокламировавшихся либерально-демократических ценностей в политике. Например, поддержка закона, запрещающего проведение в стране референдумов в течение полутора лет из каждых четырех, не только не имеет аналогов в мировой практике, но совместима с либерально-демократическими ценностями не более, чем инквизиция с чернокнижием.

Однако наибольший практический интерес представляет идеология «партии власти», но не в лице «Единой России», представляющей собою, скорее, клиентеллу, формируемую сверху и не имеющую собственных ясно очерченных политических представлений, но в лице Администрации Президента и отчасти Правительства, сформировавших «Единую Россию» и разрабатывающих для нее идеологию. Если судить не по декларациям, но по практическим действиям, главной особенностью этой идеологии является синкретическое сочетание радикального либерализма (неоконсерватизма) в экономике с апологией авторитаризма в политике и доминированием православия в духовной сфере.

Подобное сочетание представляется не только крайне противоречивым, но и контрпродуктивным. Крайне противоречивым, ибо в православной

традиции, пронизавшей, как уже отмечалось, отечественную культуру, очень сильна ориентация на социальную справедливость, общинность (социальную солидарность) и неутилитарные, постматериальные ценности, тогда как праволиберальный рыночный фетишизм ориентирован на формирование не только «дикого» капитализма, но и модели личности в духе «одинокого волка». Не случайно, даже в праволиберальном «Московском комсомольце» студенты праволиберальной Высшей школы экономики характеризовались как «молодые людоеды».

Контпродуктивность сочетания названных трех составных частей формирующейся социальной идеологии, помимо уже сказанного, может быть обоснована и иными многочисленными аргументами, среди которых следующие:

- в российских условиях радикально-либеральный (правоконсервативный) экономический курс связан с отменой налоговых льгот и иных преференций для некоммерческих организаций («третьего сектора»), деятельность которых в большинстве случаев направлена на развитие образования, культуры, на поддержку общественных, в т.ч. гражданских, инициатив;

- поскольку основной принцип авторитаризма «позволено все, кроме политики» (а в современных российских условиях – «кроме лояльной политики»), нарастание авторитарных тенденций плохо совместимо с формированием гражданина в гражданском обществе;

- в подобном сочетании деформируется сама система православных ценностей и ее возможная социокультурная роль: новая экономическая и политическая элита стремится превратить православие в феномен новой «массовой культуры», позволяющий ей «грешить и каяться» - сохранять перед обществом благообразное лицо, по-прежнему с легкостью нарушая все 10 заповедей и большую часть действующих законов практическими делами в «рыночной экономике» и политической жизни.

Цели воспитания: нормативно-правовой аспект

Переходя от идеологических аспектов к нормативно-правовым, следует прежде всего отметить три обстоятельства.

Во-первых, духовно-нравственная сфера человеческой жизни вообще труднее всего поддается законодательному регулированию, за исключением экстремальных случаев человеческого поведения: образно говоря, поощрение героев и наказание преступников.

Во-вторых, именно в сфере идеологии революционное отрицание было наиболее сильным, а массовое сознание интеллигенции, включая педагогическое сообщество и самих законодателей, оказалось подвержено этому отрицанию в большей мере, чем у многих других социальных групп.

В-третьих, федеральное законодательство в той части, в какой оно пыталось воздействовать на процессы воспитания, скорее, отражало

политическую ситуацию и формировалось господствующим состоянием массового сознания, чем формировало его.

В итоге первая редакция Закона РФ «Об образовании» оказалось более либеральной (т.е. в данном случае законодательно установила большую степень негативной свободы), чем могло «освоить» существовавшее общество.

Тем не менее заслуживает специального анализа эволюция представлений о «продукте» системы образования, о желаемом образе работника, гражданина и личности, который представлен в различных федеральных нормативно-правовых актах за последние 12 лет. Ввиду ограниченности объема работы сопоставим соответствующие положения двух таких актов: первой редакции Закона РФ «Об образовании» (июль 1992 г.) и «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года» (Распоряжение Правительства РФ № 1756-р от 29.12.01г.).

Закон РФ «Об образовании» (1992 г.) определил последнее как «целенаправленный процесс воспитания и обучения в интересах человека, общества, государства...» (Преамбула), поставив в этом определении воспитание на первое место. При этом законодатель акцентировал гуманистический характер образования, воспитание "гражданственности, трудолюбия, уважения к правам и свободам человека, любви к окружающей природе, Родине, семье" (ст. 2).

Соответственно, в качестве целей образовательного (следовательно, в первую очередь, воспитательного) процесса Закон определил:

- ориентацию "на обеспечение самоопределения личности, создание условий для ее самореализации" (ст. 14);

- "формирование человека-гражданина, интегрированного в современное ему общество и нацеленного на его совершенствование" (Там же).

При этом, по мнению законодателя, "содержание образования должно содействовать взаимопониманию и сотрудничеству между людьми, народами, различными расовыми, национальными, этническими, религиозными и социальными группами" (Там же).

Оценивая спустя 10 лет приведенные положения Закона, следует отметить, что они повторяют идеи современной гуманистической педагогики, свободного воспитания, демонстрируя знакомство с ними законодателя.

Воспроизводя эти идеи, большинство последующих документов предлагают педагогам и менеджерам образования:

- исходить из интересов человека, общества и государства, ставя человека в этой триаде на первое место;

- учитывать потребности (запросы) и возможности личности в образовательном процессе;

- создавать условия для ее самореализации.

Несмотря на некоторые очевидные слабости (например, упоминание о любви к Родине почти вскользь, между природой и семьей), определение целей воспитания в базовом Законе остается в целом удовлетворительным и,

пожалуй, ему следует отдать предпочтение перед рядом последующих документов.

Большинство принятых нормативно-правовых актов исходят из необходимости подготовки обучающегося к жизни в современном обществе. Однако представления об этом современном обществе за десятилетие существенно изменились, вследствие чего трансформировались и взгляды на «продукт» системы образования – на жизненные установки выпускника. Из всей совокупности личностных характеристик, названных в Законе 1992 г., в «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года» остались лишь гражданская ответственность, правовое сознание и ответственность за судьбу страны. Помимо этого, согласно «Концепции...», выпускники школы должны обладать духовностью и нравственностью, инициативностью и предприимчивостью, самостоятельностью и ответственностью, толерантностью и мобильностью, способностью к адаптации и сотрудничеству, динамизмом и конструктивностью.

Если опустить детали (например, различия динамизма и мобильности в этом перечне не очевидны), эволюция желаемого портрета выпускника примечательна, по меньшей мере, в трех отношениях.

Во-первых, в первой редакции Закона «Об образовании» любовь к Родине не акцентировалась, но все же присутствовала. В «Концепции модернизации» в данном контексте она не значится вовсе. Поскольку массовое сознание и сознание политических элит с конца 90-х годов и до сентября 2001 г. эволюционировало в противоположную сторону (т.е. к патриотическим ценностям), это можно объяснить лишь преобладанием либеральных «западников» среди разработчиков данного раздела «Концепции».

Вообще, здоровый патриотизм – это естественная реакция гражданина на заботу о нем государства и, напротив, проявления национализма и ксенофобии в России («бритоголовые», «Русское национальное единство» и т.п.) есть во многом уродливая реакция на отсутствие в государственной политике здорового патриотизма.

Во-вторых, при общем акценте индивидуальной свободы и самореализации личности, Закон охватывал, преимущественно, ту часть либеральных ценностей, которые приобрели общецивилизационный характер, сочетая их с ценностями социальными, тогда как «Концепция» - именно рыночную часть того же «джентльменского набора» (предприимчивость, мобильность, динамизм и т.п.).

В-третьих, «дуэт» духовности и нравственности в данного контексте может рассматриваться как «дань» православию. Тем самым подтверждается высказанная ранее идея о попытке противоречивого синтеза либерально-рыночной и религиозно-почвеннической ориентаций, приводящего либо к «ножницам» между «официальным» и «оперативным» кодами морали, либо к превращению православия в чисто ритуальную форму поведения.

Концепция постиндустриальной, духовно-ориентированной цивилизации и необходимость Закона о национальной доктрине образования в Российской Федерации

Таким образом, приходится констатировать, что, с одной стороны, политические элиты и широкие слои народа достаточно остро ощущают необходимость объединяющей “национальной идеи”, а с другой – существующие культурные (в т.ч. религиозные), политические и мировоззренческие, т.ч. религиозные ориентации, скорее, разъединяют, чем объединяют нацию. И хотя очевидно, что в условиях постреволюционных руин и конфликтов зона гражданского согласия может быть лишь весьма узкой, тем не менее не лишен смысла поиск такой культурной ориентации, которая, не устраняя различий и противоречий по другим вопросам, могла бы быть принята хотя бы относительным большинством идеологически активного меньшинства и следующими в фарватере этого относительного большинства общественными группами.

Представляется, что, как минимум, наравне с другими заслуживает обсуждения следующая гипотеза: в современных российских условиях роль относительной продуктивной утопии мог бы сыграть миф о российской духовности и постиндустриальной, духовно ориентированной российской цивилизации.

Под духовностью в данном случае понимается не определенный тип религиозного мировосприятия (духовность может быть как религиозной, так и безрелигиозной, в т.ч. атеистической) и не абстрактное представление о “духе народа”. Напротив, духовность интерпретируется как исторически сформировавшийся тип культурной ориентации, при котором неутилитарные (человеческие, “постматериальные”) ценности занимают высокое (или даже ведущее) место в ценностной иерархии общества и человека. Именно такой тип ориентации был характерен для российской культуры, причем как в досоветский, так и в советский периоды, для деятелей культуры различных политических направлений и религиозных верований.

Основные аргументы в пользу того, что представление о постиндустриальной, духовно ориентированной российской цивилизации могло бы стать новой “национальной идеей” (или, по крайней мере, ее важным структурным компонентом), продуктивной относительной утопией, сводятся к следующему.

Во-первых, плюралистический характер идеи, ее приемлемость для широкого спектра организаций и общественных групп. С идеей постиндустриальной, духовно ориентированной российской цивилизации могут согласиться представители всех основных конфессий, религиозно индифферентные группы населения и атеисты. Программы и выступления лидеров большей половины политически значимых общественных объединений убеждают в том, что эта идея в соответствующей интерпретации вполне может стать неким, хотя и весьма ограниченным, полем относительного согласия между ними. И, наконец, крушение мифа о быстром

создании “потребительского общества” в России, перенасыщение информационных каналов пропагандой примитивного потребительства, голого прагматизма, не говоря уже о грубом насилии и дезротизированном сексе, создают сравнительно благоприятные условия для того, чтобы “маятник” качнулся в противоположную сторону – к духовным, человеческим ценностям.

Во-вторых, соответствие идеи постиндустриальной, духовно ориентированной цивилизации не только традициям отечественной культуры, но и перспективам развития человечества в целом. Еще в середине XX в. появились явные признаки того, что современная модель цивилизации себя исчерпала или близка к исчерпанию. Не случайно уже первые доклады Римскому клубу произвели впечатление разорвавшейся бомбы на фоне радужных прогнозов приверженцев “технологического оптимизма”. Вывод о необходимости смены парадигмы цивилизационного развития подтвердила конференция ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г. Иначе говоря, современная цивилизация поставлена (или в обозримой перспективе будет поставлена) перед альтернативой: либо изменение вектора развития в пользу непотребительских (человеческих, духовных) ценностей, либо глобальная катастрофа с мрачными последствиями, вплоть до возможного самоуничтожения. В таких условиях идея постиндустриальной, духовно ориентированной цивилизации выглядит уже не просто как продуктивная относительная утопия, но через несколько десятилетий может стать “категорическим императивом”.

Формой легитимации «национальной идеи», способом превращения ее в национальную стратегию могла бы стать переработанная и оформленная в виде федерального закона «Национальная доктрина образования в Российской Федерации». Переработанная – ибо утвержденный Постановлением Правительства № 751 от 04.10.00г. текст Доктрины в части финансирования образования, социальных гарантий для работников и обучающихся, а также в идеологической части сильно ухудшен даже по сравнению с тем проектом, который был одобрен Всероссийским совещанием работников образования в январе 2000 года. Оформленная в виде федерального закона – ибо в настоящее время существует юридико-технический нонсенс, когда Доктрина, призванная определить стратегию развития образования на долгосрочную перспективу, утверждена Постановлением Правительства, в то время как Федеральная программа развития образования, т.е. программа реализации этой стратегии до 2005 г., утверждена Федеральным законом.

Координация национальной доктрины образования и “национальной идеи” должна быть двусторонней: не только доктрина - под “идею”, но и “идея” - под доктрину. Если, например, в качестве государственной стратегии принимается под любым наименованием идея либерального капитализма (хотя либеральный капитализм в развитых странах давно превратился в социальный), доктрина должна быть ориентирована главным образом на обслуживание рынка труда и на подготовку экономической и политической элиты из представителей истеблишмента. Если же в качестве национальной

стратегии избирается переход в перспективе к “альтернативной” цивилизации или к постиндустриальной, духовно ориентированной цивилизации, образование должно рассматриваться в качестве самостоятельной ценности и средства развития личности. При этом социальная эффективность инвестиций в образование должна получить приоритет по сравнению с эффективностью экономической.

Что касается корректировки различных направлений государственной политики под национальную доктрину образования, то некоторыми из ее параметров могли бы стать:

- поддержка отечественного товарного производства и прежде всего высокотехнологичных его отраслей. - Это обеспечит востребованность высокообразованных, высококвалифицированных работников и модернизацию страны;

- стимулирование развития таких форм собственности и организации труда, которые обеспечивают участие работника в распределении полученного дохода и управлении производством (одна из возможных моделей была предложена С.Н. Федоровым в известном Федеральном законе “Об акционерных обществах работников (народных предприятиях)”, который в Госдуме второго созыва получил поддержку не только левой оппозиции, но и части депутатов правой ориентации). – Это также потребует от работника повышения уровня образования, причем не только профессионального, но и общего, в т.ч. гражданского;

- формирование системы налогообложения, направленной одновременно на стимулирование производства и ограничение социального неравенства, которое превзошло критические для национальной безопасности страны показатели. При этом доходы от “ноу-хау” должны облагаться иначе, чем доходы от операций, связанных с вывозом сырья, а доходы, использованные гражданами на получение образования в отечественных образовательных учреждениях, в отличие от затрат на престижное потребление – в определенных пределах не должны облагаться вообще (эта давняя идея автора отчасти реализована в Налоговом кодексе, однако в целом направление налоговой реформы прямо противоположно и уравнивает коммерческие и некоммерческие организации). – Все это имеет не только экономическое значение (фактически дополнительные инвестиции в новейшие виды производства и развитие “человеческого капитала”), но и моральное (государство демонстрирует, каким именно видам труда оно отдает приоритетное значение);

- регулирование оплаты труда, при котором ее уровень в сферах, обеспечивающих воспроизводство и развитие человека (образование, медицина, наука, культура и т.п.), был бы, по крайней мере, не ниже, чем в сфере материального производства. – Это не только остановит отток квалифицированных кадров из бюджетной сферы, но в перспективе окупится даже с экономической точки зрения за счет создания новых технологий, квалификации работников и качества товаров;

– реализация принципа: коммерческому искусству – коммерческие цены, высокие налоги, контроль общественности; народному и классическому искусству – низкие налоги, государственная поддержка и общественное меценатство;

- прямое законодательное предписание государственным и муниципальным средствам массовой информации выделять часть эфирного времени образовательным программам, сделать их приоритетными по сравнению с развлекательными, – предписание, подкрепленное налоговыми льготами для всех СМИ в части реализации ими образовательных программ;

- государственно-общественный характер управления государственными и муниципальными СМИ. При этом создаваемые при них наблюдательные советы, в состав которых должны будут войти видные деятели культуры, философы, социологи, психологи, педагоги, должны, на взгляд автора, обеспечивать не столько представление в эфире различных политических взглядов, но прежде всего направленность “четвертой власти” не на деградацию и дегуманизацию личности, но на ее просвещение и развитие, на повышение престижа образования.

Только принципиальная корректировка всей государственной политики с учетом ее образовательных аспектов способна превратить российский социум в воспитывающую среду, сделать осмысленной разработку и принятие, а главное – реализовать российскую национальную доктрину образования. Тем самым будут сформированы и основы нормативно-правового регулирования воспитательной составляющей федеральной образовательной политики. Одновременно такая корректировка является необходимым условием превращения в отдаленной перспективе постиндустриальной, духовно ориентированной российской цивилизации в качестве возможной “национальной идеи” в интернациональную реальность совместно с другими народами планеты.

Смолин О.Н., доктор философских наук, заместитель Председателя Комитета по образованию и науке Государственной Думы.

Горькавая О.Е., слушатель Центра изучения образовательной политики Московской высшей школы социальных и экономических наук.

Опубликовано в журнале «Народное образование». - 2003.- № 2.- С. 25-33.